

смысле софийная составляющая, пожалуй, наличествует в деятельности всякого великого мыслителя, но у одних она выступает в качестве всего лишь возможного временного фонового плана, а у других доминирует и не позволяет сформировать устойчивый типичный для истории рационализированный образ.

Впрочем, последнее относится и ко всей русской философии. Создается впечатление, что ее роль принципиально состоит не в том, чтобы торить «столбовую дорожку» мировой философии, а в том, чтобы сделать этот путь немонотонным, или хотя бы попытаться это сделать, пусть даже через «неудобства», через создание на нем затруднений, «встряивающих» мысль. Не исключено, что это составляет суть потенциала (Внутренней формы) русской философской (и не только философской) мысли, по крайней мере, в той ее части, которая отличает ее от мировой в целом.

Однако данная специфика вовсе не является радикализмом, поскольку радикализмом западную мысль не удивить. Это, скорее, желание соотнести все, о чем говорится – с чем-то, что к актуальному философскому категориальному аппарату прямого отношения не имеет. Или, другими словами, нежелание отделять философию от того, что русскому мыслителю дорого, важно, даже если в результате присоединения этой особой ценности разрушается системность, логичность, доступность, убедительность для большинства и т.п. То есть, это принципиальный «апозитивизм» даже если используются вполне рациональные формы выражения мысли. Это та самая «асимметрия», в определенном смысле аналогичная понятию «молекулярной хиральности» в области естественных наук, которая является условием живого, условием жизни. При всей «зеркальности отражения» русской философии по отношению к западной, она принципиально асимметрична, и потому в ней возникают особые условия для развития.

Думаю, что некоторыми свойствами, удовлетворяющими «принципу асимметрии», обладает и наш соловьевский семинар. В нем очень многое совершается через «отражение вопреки», когда на основе, казалось бы, устоявшихся форм возникает некое новое единство содержания и формы. Вопреки традиционному ходу познавательного процесса – от удивления к узнаванию – он одновременно и узнаваем, и удивляет. Его онтология –

абсолютно субъективна, поскольку в Иванове не было никаких «объективных» условий для возникновения многолетнего разговора о Соловьёве. Самым весомым оказался фактор единичного личного интереса основателя семинара к данной теме, который в других случаях обычно рассматривается в последнюю очередь. Опасность дилетантского непрофессионального подхода к соловьевской тематике со стороны большинства участников семинара ивановского философского сообщества – оборачивается неожиданным развертыванием тематики в самые разнообразные сферы современного философского дискурса.

Поэтому думаем, что даже сами трудности, возникающие в ходе организации и продолжения деятельности семинара, образуя своеобразный «событийный шлейф», становятся тем самым асимметричным фактором стимуляции научной жизни, мотивации живого, который не позволит превратиться возникшему десять лет назад философскому феномену – в пустую безжизненную форму. Соловьёвский семинар в Иванове избыточен по отношению к семинарам «идеального типа» по многим показателям, как позитивно влияющим на его ход, так и негативно отражающимся на нем. Это тоже своего рода «идеальный прототип» научного семинара, на «затруднениях» которого оттачивается как философская мысль в целом, так и отдельный поступок, конкретный вид социально-значимой деятельности.

Г.С. СМЕРНОВ

д-р филос. наук, профессор кафедры философии
Ивановского государственного университета

**СОФИЙНОСТЬ И НООСФЕРНОСТЬ:
ПАРАДОКСЫ ВЫСОКОГО СОПРИКОСНОВЕНИЯ
ДВУХ ГЕНИЕВ**

Всего одно десятилетие разделяет время рождения В.С. Соловьёва (1853) и В.И. Вернадского (1863). С одной стороны, это говорит о том, что они принадлежат к *одной целостной* интенсивно развивающейся, а не только заимствующей культуре. Более того, они принадлежат к особой — столичной и элитной

— российской культурной традиции, которую можно обозначить термином *классическая русская интеллигенция*. С другой стороны, перед нами представители разных культур по другому основанию классификации: В.С. Соловьёв — представитель высоко-гуманитарной (антропо-исторической, художественной, религиозной) традиции, а В.И. Вернадский — образец высоконаучной (*непозитивистской*) традиции русского космизма.

Десятилетие между временем рождения русских гениев определило то, что они принадлежат к разным социокультурным временам: в трансформации российской культуры этот временной промежуток незаметно определил закономерность смены религиозно-философских приоритетов в духовно-интеллектуальной истории России на естественнонаучные. Именно по этой причине высокое соприкосновение творчества этих мыслителей оказывается чрезвычайно важным для понимания формирования мировидения будущего России в настоящее время.

На заседании Соловьёвского семинара: Г.С. Смирнов, И.Л. Иголь, М.Б. Балябина.

Первый раз пути В.С. Соловьёва и В.И. Вернадского пересеклись в начале 90-х годов XIX века при организации кампании «помощи голодающим крестьянам Центральной России — жертвам засухи. Решение об этом принималось при участии Льва Толстого, Владимира Соловьёва и будущих основателей конституционно-демократической партии И.И. Петрункевича, А.А. Корнилова, Д.И. Шаховского, В.И. Вернадского» (Волков В.П. Публицистика В.И. Вернадского // Вернадский В.И. Публицистические статьи. М., 1995. С. 13)

В одном из писем В.И. Вернадского жене (1890 г.) можем обнаружить следующую запись: «С Федором (Ольденбург Ф.Ф. — Г.С.) они решили, чтобы компания — три члена могли выбирать книги для чтения, т.е. желательно, чтобы все прочли эти вещи; таким образом, они указали: Beliamy Кеннана, Miserable, Hugo, и «Очерки русского самосознания» Влад. Соловьёва, но я отказался читать эти вещи, которые кроме Кеннана, меня совсем не интересуют!» (Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской (1889—1992). М., 1991. С. 104). Это, впрочем, не говорит о том, что идеи Соловьёва не были знакомы молодому *ученому*. В письме Вернадского от 1892 года читаем: «...ходит письмо Соловьёва Победоносцеву и, говорят, ответ Победоносцева» (Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской (1889—1992). М., 1991. С. 207). В примечаниях поясняется, что речь идет о «политике религиозных преследований и насильственного распространения казенного православия»). Философские взгляды В.С. Соловьёва были известны В.И. Вернадскому, ибо его связывали контакты с коллегами по Московскому университету — С.Н. и Е.Н. Трубецкими — последователями соловьёвского творчества.

В опубликованных дневниках ученого упоминаний имени В.С. Соловьёва также немного, но тем более важно обратить внимание на уникальный факт личностно-экзистенциального бытия. В московской записи от 24 марта 1921 года Вернадский (после высылки из Крыма) пишет: «Вчера очень на меня неприятно подействовала отсрочка отъезда в Питер. И пришлось сделать над собой усилие, чтобы взять себя в руки. Читал поэтов ({Владимир} Соловьёв, Баратынский). Фарафара — «Darkness and Dawn». Но совершенно с собой справился и сейчас силен духом и готов к работе» (Вернадский В.И. Дневники: март 1921 — ав-

густ 1925. М., 1998. С. 23). Как видно из примечаний к приведенному тексту, в 1921 году вышло 7-ое издание стихов В.С. Соловьёва, и, очевидно, эта книга оказалась в руках ученого. По тому, какое культурное наследие спасает человека в минуты отчаяния, можно судить о его интенциональности в культуре.

В дневниках послереволюционного периода, относящихся к пребыванию в Париже (1922—1924), обнаруживает себя стремление к более глубокому пониманию и изучению русской философии. В 27 мая 1924 года в Париже В.И. Вернадский посетил лекцию Н. О. Лосского, о которой записывает: «Разговор с В.С. Малышевой о вчерашней лекции Н. Лосского, на которой был. Полная аудитория. Слушали внимательно — усталые люди. 1,5 часа лекции. Православная философия. Еще в Москве, помню, первые разговоры с С. Трубецким — у меня в Минералогическом кабинете. Мне казалась странной такая зависимость философии от православия. Лосский дал почувствовать, что это большое творческое создание поколений. Славянофилы — Соловьёв — теперешние». (Вернадский В.И. Дневники: март 1921 — август 1925. М., 1998. С. 116

Конечно, столь «пестрые цитаты» не дают возможности выявить линии творческих взаимодействий философа и ученого, но, вне всякого сомнения, «тонкое духовное» влияние В. Соловьёва на В. Вернадского видно не только из контекста круга знакомств, но из действительного духовно-поэтического созвучия. Такой небольшой экскурс в синергию российской культуры поясняет, как может обнаружиться, если не пересечение, но хотя бы соприкосновение двух параллельных линий религиозно-философского и научного дискурса.

Отметим несколько аспектов соприкосновения идей этих российских мыслителей с точки зрения принципа *догоняющей* дополнительности: мысль обнаружившая себя в одном знанием пространстве, вдруг находит свое *креативное* применение в другой, достаточно далекой, области знания.

Во-первых, для них была органично приемлема идея цельности и единства знания. Идея цельного знания В.С. Соловьёва (Соловьёв В.С. Философские начала цельного знания (1877) // Соловьёв В.С. Философское начало цельного знания. Мн., 1999) появилась на двадцать пять лет раньше лекций В.И. Вернадского

«О научном мировоззрении» (1902) (Вернадский В.И. Очерки по истории современного научного мировоззрения // Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. М., 1981. С. 76) и, думается, что перед нами имеет место отчетливая преемственность в размышлениях о все более расширяющемся универсуме человеческого знания.

Во-вторых, для В.С. Соловьёва и В.И. Вернадского оказывается удивительно созвучным универсумность понимания мира. Единство знания определяется единством самого мира. Наиболее ярким примером универсумного видения мира Соловьёвым является его письмо А.А. Фету (См.: Смирнов Г.С. В.С. Соловьёв как универсалог // Владимир Соловьёв и философско-культурологическая мысль XX века: Материалы Международной научной конференции. Иваново, 17—19 мая 2000 г. Иваново, 2000. С. 50—53). Существуют аналогии между структурой Софии и структурой Ноосферы, а единство неживого, живого и разумного вещества в пространстве биосферы-ноосферы близко по своей модели Вселенскому универсуму Соловьёва, который «включает» в себя и камни, и растения, и животных, и людей, и ангелов.

Особенностью культурного развития России XIX — XX века (хотя, думается, такое положение характерно и для общемирового развития) стало действие полианалогических (или взаимоналогических) моделей формирования систем знания по герметическому принципу «что вверху, то и внизу, а что внизу, то и вверху»: наука фактически взорвала изнутри «казенное» религиозное сознание, вставшее перед необходимостью общественно-ориентированной трансформации по образу и подобию западно-католического неотомизма; философия стала развиваться под диктовку науки «как идеологической формы»; наука на ее высших этажах постоянно «подпитывалась» выношенными тысячелетиями софийными (религиозно-философскими) формами. Большой синтез духовной целостности, отражающий единство Универсума, неизбежно должен быть дополнен всеобщим синтезом искусства, религии, философии и науки. Синтез искусства, религии, философии в этом контексте предстает как своеобразная калька общенаучного синтеза.

Таким образом, естественно вызревает мысль о том, что соловьёвские (но также и «соловьинные») религиозно-философские концепты «всеединства» и «софийности» интенционально (в контексте развития всего мира российской культуры) созвучны всей «ноосферной» методологии (и «идеологии»), начавшей свое вызревание в неотомизме П. Тейяра-де-Шардена и получившей научное выражение в творчестве В.И. Вернадского, которого Р. Штильмарк парадоксально называл «первым богословом XX века».

Современное прочтение наследия двух великих русских гениев позволяет увидеть, что «софийность» В.С. Соловьёва и «ноосферность» В.И. Вернадского неожиданно близки, особенно, если рассматривать эти феномены как различные стороны одной и той же культуры. Такая близость подтверждается и тем, что в конце 20-х годов XX века П.А. Флоренский гениально почувствует в «Биосфере» В.И. Вернадского (1926) созвучие научных и философских подходов и сформулирует идею «пневмосферы», которая, думается, выросла не только из биосферных представлений Вернадского, но и из соловьёвских представлений о всеединстве и софийности. В постреволюционной России вплоть до 90-х годов XX века обе эти высокие духовные формы оказались замороженными, их медленное оттаивание для культурного синтеза наступает только сейчас: появляется возможность смотреть на ноосферное развитие не только из контекста научной мысли как планетного явления, но и оценить масштабность размышлений о роли сознания в истории человечества, полноформатно понять софийный смысл ноосферной коэволюции общества и природы.

С.М. УСМАНОВ,

д-р ист. наук, профессор кафедры новой и новейшей истории
Ивановского государственного университета

ДОСТОЙНЫЙ ОПЫТ СЛУЖЕНИЯ НАУКЕ И КУЛЬТУРЕ

Созданный профессором М.В. Максимовым «Соловьёвский семинар» оказался очень интересным и значимым начинанием в

нашем научном и культурном пространстве. В университете, казалось бы далеко от гуманитарных наук, Михаил Викторович создал своего рода оазис российской философии и культуры. Постоянное участие в работе семинара многих исследователей из Москвы, Петербурга, российской провинции, а также из-за рубежа говорит само за себя. Причем, это настоящие знатоки своего дела, имеющие основательную профессиональную подготовку и большой научный опыт. Успех семинара обязан прежде всего усердию профессора М.В. Максимова и его сотрудников. Михаил Викторович очень увлеченный человек: Владимир Сергеевич Соловьёв дорог ему и как личность, и как ученый, и как общественный деятель.

Все это вызывает чувства понимания и признательности. Вместе с тем хотелось бы высказать и пожелания. Можно ожидать, что семинар будет продолжать действовать и давать новые результаты. Будем надеяться, что его участники смогут избежать некоторых искушений и соблазнов в интерпретации творчества В.С. Соловьёва, в соответствии с нашими нынешними запросами и нуждами. Хотелось бы пожелать, чтобы и в дальнейших изысканиях Соловьёвского семинара образ Вл. Соловьёва оставался бы сложным, спорным, «неприглаженным», т.е., живым и достоверным.

Н.В. ДЗУЦЕВА

д-р филол. наук, профессор кафедры теории литературы
и русской литературы XX в. Ивановского государственного университета

ИВАНОВСКАЯ «СОЛОВЬЁВСКАЯ ШКОЛА»

Говоря о Соловьёвском семинаре, я испытываю чрезвычайно радостное для меня чувство личной профессиональной заинтересованности, которым мне хотелось бы поделиться на этих страницах.

Но вначале – о главном.

